

ИСТОРИЯ

**Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас**

Татьяна Шишкова

ВНЕЖДАНОВЩИНА

Советская послевоенная политика в области
культуры как диалог с воображаемым Западом

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2023

УДК 930.85(47+57)«1945/195»

ББК 63.3(2)631-7

Ш65

Редактор серии

А. Куманьков

Шишкова, Т.

Ш65 Внеждановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом / Татьяна Шишкова. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 384 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1949-4

ISSN 1815-7912

Послевоенная политика советских властей в области культуры, связанная с именем Андрея Жданова, осталась в памяти как мрачное время застоя и репрессий. В каком контексте создавались идеологические кампании, названные впоследствии «ждановщиной»? После войны, когда мобилизация населения на строительство и защиту социализма перестала быть актуальной задачей, перед государством встала проблема переустройства соцреалистического дискурса. Татьяна Шишкова в своей книге предлагает взглянуть на события тех лет как на попытку подчинить культуру новой экспансионистской задаче — созданию и предъявлению внешнему миру «правильного» образа СССР. Автор анализирует, как критика М. Зощенко, С. Эйзенштейна, Д. Шостаковича и других фигурантов ждановских постановлений была обусловлена началом холодной войны и почему переосмысление отношений с Западом привело к последствиям, губительным для всего советского проекта.

УДК 930.85(47+57)«1945/195»

ББК 63.3(2)631-7

На обложке: Берлинцы на улицах города в первые дни после окончания войны

© Георгий Липскеров/РИА Новости

© Т. Шишкова, 2023

© И. Дик, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. Как закалялся занавес: антисоветская кампания в западной прессе как фактор послевоенной политики	32
«Недисциплинированность некоторых элементов»	35
Культурные победители	44
Новые варвары	50
Глава 2. Дело Совинформбюро: советская пропаганда в поисках новых медиа	64
Критика Совинформбюро	68
Информация и пропаганда	76
Культура и пропаганда	85
Глава 3. Репрезентация вместо мобилизации: постановление о кинофильме «Большая жизнь» и новый образ государства	93
Конец Гражданской войны	96
Конец воспитания	109
Глава 4. Случай Зоценко: советская литература как источник антисоветской клеветы	124
«Приключения обезьяны» в стране журналов	126
Репрезентация и сатира	136
Глава 5. «В истории нас интересует то, что нас интересует сегодня»: «Адмирал Нахимов», «Иван Грозный» и образ Красной армии	153
«Адмирал Нахимов», гуманизм и военнопленные	156
«Иван Грозный», опричники и Красная армия	170
Глава 6. «Не то монахиня, не то блудница»: Анна Ахматова и две истории русской литературы	188
Меморандум Берлина	191
Другая история	198
Ахматова и Пастернак	211

Глава 7. Удвоение Запада: изоляционизм и интернационализм в послевоенной культуре	223
Опыт отделения	227
Опыт удвоения	234
Опыт экспроприации	245
Глава 8. Новая классика: постановление об опере «Великая дружба» и проблема репрезентации в музыке	258
Опера и репрезентация	261
«Классическая советская опера»	269
Опера и политика	275
Новая классика	283
Глава 9. Теория и практика золотого века: роль национальных историографий в структуре репрезентации послевоенного СССР	294
История и идеология	298
История и репрезентация	306
История и теория	313
Глава 10. После Жданова: как репрезентационный проект стал репрессивным	323
Дело Еврейского антифашистского комитета	327
От низкопоклонства к космополитизму	341
Низвержение критика	349
Заключение	361
Указатель имен	375

ВВЕДЕНИЕ

«Нашему поколению выпало огромное счастье быть участником грандиозной победы над сильнейшим врагом не только Советского Союза, но и всего прогрессивного человечества — германским фашизмом. Нашему поколению будут завидовать многочисленные поколения наших потомков» — так начиналось письмо, которое 11 июля 1945 года направил Сталину кандидат технических наук Л. Либерман¹. Выпавшее на долю советского народа «счастье» участия в войне требовало, по мнению Либермана, наглядной репрезентации: он предлагал соорудить в центре Москвы здание, «само по себе воплощающее монумент Победы», и открыть внутри Музей Великой Отечественной войны, который покажет путь страны от мирного строительства социализма к борьбе за мир во всем мире и героической победе над захватчиками. Из того, как Либерман предлагал организовать материал музея, видно, что победа в его представлении венчала не четыре последних года, а как минимум полтора десятилетия: экспозиция должна была начинаться с первых пятилеток и освещать все важнейшие этапы советской жизни. История победы охватывала весь сталинский период, и весь сталинский период превращался в историю победы. Проект Либермана реализован не был: не потому, что сталинский триумф и великая победа не заслуживали музея, а потому, что одного лишь музея им было мало — их должна была увековечить сама жизнь.

9 февраля 1946 года, накануне выборов в Верховный Совет СССР, Сталин выступал в Большом театре перед избирателями. Война уже девять месяцев как была окончена, страну ждали новый пятилетний план, восстановление народного

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 375. Л. 47.

хозяйства, возвращение к мирной жизни, но речь Сталина была не об этом. Его занимал другой вопрос: как нужно понимать итоги войны, а точнее — каковы были ее положительные итоги? Война, безусловно, была проклятием, утверждал Сталин, но она не была слепым ударом судьбы, равно как и результатом стечения обстоятельств или ошибок политиков. С точки зрения марксизма ее наступление было предсказуемым: капитализм порождает кризисы, и из этих кризисов возникали войны. Обе мировых войны были следствием неравномерного развития капиталистических стран и их стремления переделать сферы влияния. Таким образом, наступление Второй мировой войны было закономерным, но насколько закономерным был ее итог? Была ли победа Советского Союза случайной? Сталин настаивал на том, что нет. Война была проверкой, и Советский Союз эту проверку прошел¹.

Что же означала победа в войне? Ответ на этот вопрос занял почти треть номера «Правды», вышедшего 10 февраля, в день выборов. Сталин объяснял, что это победа советского строя, который не только доказал свою состоятельность и жизнеспособность, но и продемонстрировал собственное превосходство. Победа была результатом не только храбрости и самоотверженности советских людей, но и мудрой политики советского руководства, доказательством его правоты. Что еще важнее, она была доказательством неправоты западных критиков СССР — всех тех, кто сравнивал советскую систему с «карточным домиком», кто говорил, что советский строй навязан населению и является искусственным, кто объявлял Красную армию «колоссом на глиняных ногах». Те, кто раньше ругал Советский Союз, теперь превозносили его, в чем, возможно, и заключался главный итог войны. К перемене отношения к СССР за его пределами Сталин

¹ Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы // Правда. 1946. 10 февраля. С. 1–2 (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 16. Ч. 1. М., 2011. С. 201).

возвращался в выступлении трижды, каждый раз напоминая о том, как неправильно западный мир прежде смотрел на Советский Союз. Теперь у Запада была возможность взглянуть на него по-новому.

«На важном и ответственном посту стоит каждый советский человек за рубежом. На него смотрит мир» — так завершалась передовица «Правды» от 26 марта 1945 года¹. Что именно мир должен был в нем видеть, Сталин объяснил еще 6 ноября 1944 года в торжественной речи по случаю очередной годовщины революции: «Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества»². Прежде главной заслугой советского народа был смелый эксперимент по строительству социализма, он обещал в корне изменить мировую историю и обеспечить человечеству счастливое будущее, но все это оставалось лишь обещанием — реальные успехи советского строительства были впечатляющими по российским меркам, но не по западным. Теперь изменение истории человечества осуществлялось в настоящем, Советский Союз выступал уже не только проводником в будущее, но и нынешним спасителем мировой цивилизации, и беспокойство о том, заметит ли остальной мир эту перемену роли, тревожило не только Сталина. Советская пропаганда старалась «настроить» новый взгляд на СССР и последовательно отсекала все, что больше не было актуальным.

Прежде всего, опровержения требовал взгляд, который на протяжении предыдущих лет навязывала миру гитлеровская пропаганда. Журнал «Большевик» напоминал, как она пугала мир тем, что вступление Красной армии в пределы

¹ Советский человек за рубежом родной страны // Правда. 1945. 26 марта. С. 1.

² Доклад председателя Государственного комитета обороны товарища И. В. Сталина // Правда. 1944. 7 ноября. С. 2.

Германии угрожает европейской культуре, и утверждал обратное: «Именно подлинная культура в высшем, лучшем и наиболее последовательном своем выражении шагает теперь вместе с Красной армией по Европе!»¹ «Правда» писала, что фашистская пропаганда «бесстыдной клеветой старалась внушить страх и ненависть к советским людям», но Красная армия «своей благородной силой рассеяла ложь и предрассудки»². Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгий Александров в печати критиковал писателя Илью Эренбурга за статью «Хватит!», в которой тот обещал немцам, что им не удастся избежать неминуемой расправы³. Выступление Александрова, в котором он заявлял, что советское руководство никогда не призывало к истреблению населения Германии, было зачитано по радио в Берлине, и в информационных сводках сообщалось, что немцы слушали эту трансляцию с большим вниманием и облегчением⁴. Даже для немцев, не говоря о других европейских народах, появление Красной армии должно было олицетворять не угрозу, а спасение.

Война и победа над Германией возродили в памяти предыдущие крупные победы России. «Правда» напоминала, что в прошлом народы страны уже вставали на защиту свободы и цивилизации, когда двухвековой борьбой с татаро-монгольским игмом спасли Европу от порабощения⁵. Еще живее был

¹ Великая заслуга советского народа перед историей человечества // *Большевик*. 1945. № 5. С. 7.

² Советский человек за рубежом родной страны // *Правда*. 1945. 26 марта. С. 1.

³ *Эренбург И.* Хватит! // *Красная звезда*. 1945. 11 апреля. С. 3; *Александров Г.* Товарищ Эренбург упрощает // *Правда*. 1945. 14 апреля. С. 2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 38. Подробнее о выстраивании положительного образа Сталина и СССР в послевоенной Германии см.: *Тихомиров А.* «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М., 2014. С. 68–121.

⁵ *Ковалев С.* Великая заслуга советского народа перед историей человечества // *Правда*. 1945. 17 мая. С. 3.

образ победы над Наполеоном, также сопровождавшейся триумфальным шествием русской армии по Европе. Во время Великой Отечественной войны напоминания о событиях 1812 года способствовали мобилизации патриотизма, но теперь советское руководство аккуратно отстраивалось от сравнений с царской Россией. Так, Александров в одном из программных текстов заявлял, что попытки опровергнуть марксистское положение о царской России как «жандарме Европы» наносят вред советской исторической науке¹. Сергей Ковалев, другой работник Управления пропаганды и агитации, пояснял, почему политика СССР в послевоенной Европе не имеет ничего общего с прошлым: «Освободив от немецких захватчиков народы Европы, Красная армия не навязывает им своей воли, дает им возможность устроить свою жизнь так, как они хотят»². Даже Сталин считал необходимым подчеркивать разницу между царской Россией и Советским Союзом. В октябре 1945 года, встречаясь с представителями делегации общества «Финляндия — СССР», он предлагал продлить Финляндии срок выплаты репараций и утверждал, что подобным великодушием Советский Союз рассчитывается за российскую политику: «Царское самодержавие своей политикой по отношению к Финляндии, Румынии, Болгарии вызывало вражду народов этих стран к России. Мы хотим, чтобы соседние страны и народы к нам хорошо относились»³.

Стремление развенчать штампы немецкой пропаганды и дистанцироваться от образа царской России не было послевоенным приобретением — оно играло важную роль в советском публичном дискурсе и в 1930-е годы. Действительно

¹ Александров Г. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1945. № 14. С. 16.

² Ковалев С. Великая заслуга советского народа перед историей человечества // Правда. 1945. 17 мая. С. 3.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 162 об.

новым стало стремление дистанцироваться и от образа доверенного СССР. В упомянутой выше предвыборной речи в феврале 1946 года Сталин описывал масштабные трансформации, пережитые страной: из отсталой она превратилась в передовую, из аграрной — в индустриальную. За 15 лет до этого, выступая в 1931 году на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин констатировал отставание СССР от передовых стран на 50–100 лет и призывал «пробежать это расстояние в 10 лет»¹. После войны данная задача была объявлена выполненной: «Под руководством партии большевиков в условиях советской демократии в короткие исторические сроки наша Родина из бедной и отсталой страны превратилась в могучую, цветущую индустриально-колхозную державу»². Советский Союз больше не был наследником старой России, которую «непрерывно били за отсталость» и которая потерпела поражение в предыдущей мировой войне, — победа стала доказательством ликвидации вековой отсталости³. Как писала «Правда» по случаю 220-летия Российской академии наук, исполнился завет Чернышевского, обещавшего, что когда-нибудь русский народ «просветится»: теперь советский народ мог занять свое место в авангарде мировой цивилизации, ни в чем не уступая Западной Европе⁴.

Отбросив «все старое, обветшалое», Советский Союз являлся миру в новом качестве⁵. В печати и выступлениях официальных лиц неустанно говорилось о том, чем Советский Союз больше не был, — но чем же он теперь был? Развернутый ответ на этот вопрос должны были дать литература и искусство: именно они в советской системе традиционно

¹ *Сталин И.* О задачах хозяйственников // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 38.

² Великий русский народ // Правда. 1945. 26 мая. С. 1.

³ Великий всенародный подъем // Правда. 1945. 24 мая. С. 1.

⁴ Праздник советской науки // Правда. 1945. 11 июня. С. 1.

⁵ Великая заслуга советского народа перед историей человечества // Большевик. 1945. № 5. С. 7.

отвечали за производство образа реальности и, по выражению Горького, «насыщали боевую теорию ленинизма фактами», объясняя, «как же случилось, что эта отсталая страна вдруг стала самой яркой точкой на земле»¹. На протяжении первых десяти лет после революции производство этих образов осуществлялось средствами художественного авангарда, с начала 1930-х годов советское руководство стало предпочитать более доступный и менее утопический язык — так постепенно оформилось то, что вскоре получило название соцреализм². Соцреализм как художественный метод, придя на смену авангарду, сохранил его устремленность в будущее и вовлеченность художника в процесс переустройства мира, но заменил его инструментарий на более традиционный. Соцреализм был призван отображать приближение социализма с помощью реалистических образов и тем самым способствовать выработке общих для всего населения культурных и идеологических ценностей³. Ключевым понятием в этой концепции было «приближение»: соцреализм не размывал границы между настоящим и будущим, не замещал одно другим, но показывал, чего не хватает настоящему, чтобы стать будущим. Этот практический аспект хорошо заметен в одном из первых определений соцреализма, сформулированном Сталиным в 1932 году на встрече с писателями у Горького: «Художник должен правдиво показать жизнь. А если он будет правдиво показывать нашу жизнь, то в ней он не может не заметить, не показать того, что ведет ее к социализму. Это и будет социалистический реализм»⁴. В каком-то

¹ А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сборник документов и материалов. М., 1959. С. 36.

² Подробнее об отношениях авангарда и соцреализма см.: *Гройс Б. Gesamtkunstwerk* Сталин. М., 2013.

³ *Hoffmann D. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941.* Ithaca, 2003. P. 159.

⁴ *Зелинский К. Одна встреча у М. Горького // Вопросы литературы.* 1991. № 5. С. 167.

смысле соцреализм представлял собой практическое руководство по строительству социализма: в реалистических образах он предъявлял стране ближайший фронт работ. А поскольку в определении этого фронта соцреализм подчинялся государству, его эволюция повторяла этапы развития советского социалистического проекта.

Американский историк Стивен Коткин в книге «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» отмечал, что в середине 1930-х годов из-за усиления угрозы, исходившей от фашизма, революционная миссия Советского союза была переопределена: со строительства социализма акцент сместился на его защиту¹. Этот идеологический сдвиг непосредственно отразился на соцреалистическом дискурсе. Прежде его главной темой было созидание — организация нового производства, воспитание нового человека, всевозможные стройки и «перековки». «История фабрик и заводов», затеянная Горьким в начале 1930-х годов, конструировала новый образ рабочих и тем самым создавала новый рабочий класс: Горький настаивал, что рабочим необходимо получить образ своей деятельности, чтобы интериоризировать классовое сознание и новую советскую этику². Коллективная монография об истории Беломорско-Балтийского канала, выпущенная в 1934 году, совмещала воспитание нового человека с непосредственным строительством: через труд и коллектив бывшие преступники превращались в сознательных советских людей подобно тому, как грязь и болото нетронутой природы обретали стройность и ясность архитектурных форм³. Еще нагляднее сюжет о рождении советского человека из хаоса революции

¹ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 227.*

² А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сборник документов и материалов. М., 1959. С. 29. См. также: *Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007. С. 266–280.*

³ Подробнее о книге «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства» см.: *Добренко Е. Политэкономия соцреализма. С. 159–183.*

разыгрывался в кинофильме «Путевка в жизнь» Николая Экка (1931). В середине тридцатых эпоха первоначального строительства была завершена: советское общество было объявлено бесклассовым, новый советский человек — появившимся, производство — налаженным.

После принятия Конституции 1936 года, зафиксировавшей эти перемены, этика созидания отошла на второй план, а главным объектом репрезентации стали идеи всенародной защиты социалистического отечества от внешних врагов и всеобщей поддержки политики партии¹. Французская исследовательница Сабин Дюллен отмечала, что в 1936–1940 годах пограничники становились героями советских художественных фильмов чаще, чем рабочие и крестьяне (при этом первый фильм о пограничниках появился только в 1935 году)². Кино реагировало на перемены быстрее, но и в литературе был заметен сдвиг в сторону единения и обороны: Алексей Толстой в 1938 году пишет пьесу «Путь к победе» об интервенции капиталистических держав в Россию во время Гражданской войны и о роли Сталина в отражении этой интервенции и приступает к работе над повестью «Хлеб» о разгроме белой армии под Царицыном в 1919 году, Василий Ян выпускает первый роман из трилогии «Нашествие монголов», Валентин Костылев публикует роман «Козьма Минин» и т. д. Еще отчетливее тот же сдвиг был заметен в реакции советского руководства на те или иные произведения искусства. В 1937 году Сталин рекомендовал переделать сценарий фильма «Великий гражданин» Фридриха Эрмлера, чтобы подчеркнуть, что речь в картине идет не просто о борьбе двух группировок, а о противостоянии двух программ, одну

¹ Одним из триггеров для перехода от идеологии строительства к идеологии защиты стала та же Конституция 1936 года — в ходе ее обсуждения выяснилось, что политика партии, вопреки декларациям, отнюдь не пользуется всенародной поддержкой. См.: *Hoffmann D. Stalinist Values*. P. 154.

² *Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е*. М., 2019. С. 30.

из которых народ поддерживает, а другую — нет¹. В 1940 году ЦК запретил пьесу Леонида Леонова «Метель», поскольку советская действительность изображалась в ней как «улей, который безопаснее любить издали»². В 1940 году, обсуждая фильм «Закон жизни», Сталин заявлял, что автор его сценария Александр Авдесенко не сочувствует большевикам, поэтому отрицательные герои выходят у него интереснее и привлекательнее, чем положительные³.

На протяжении 1930-х годов соцреализм, предъявляя «правильный» образ будущего, мобилизовал население сначала на строительство, а затем на защиту социализма, однако после окончания войны обе эти задачи перестали быть актуальными. В предвыборном выступлении в феврале 1946 года Сталин заявлял, что победа в войне доказала и крепость социалистического строя, и поддержку народом политики партии: ни строительство, ни защита социализма больше не были связаны с образом будущего. Новой миссией государства стало продвижение советского социализма как самого прогрессивного общественного строя, успешность которого доказала победа СССР в войне, за пределы отдельно взятой страны. Таким образом, после строительства и защиты советского социализма начинался период его экспансии: если раньше советский проект был больше сосредоточен на самом себе, то теперь он обращался вовне. Это требовало радикального переустройства соцреалистического дискурса: его главной задачей становилось предъявление внешнему миру нового образа страны. Советская жизнь и советский народ, которые раньше были объектом воздействия и созидания, превращались в объекты демонстрации. Мобилизация сменялась репрезентацией: от культуры больше не требовалось

¹ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 383.

² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 449.

³ Там же. С. 454.

строить социализм и защищать его — теперь его необходимо было показывать, причем так, чтобы он оказался понятен невовлеченной аудитории. Социалистический проект больше не был экспериментом, за ходом которого с интересом следил мир, он уже являл собой новый великий строй, готовый повести мир за собой. С этим была связана главная перемена. Раньше соцреалистический метод работал с будущим, разглядывая его приметы в окружающей действительности и наполняя ее новыми образами, теперь задача менялась: чтобы предъявить всему миру величие СССР, в окружающей действительности необходимо было разглядеть не будущее, а некое альтернативное настоящее. Это переводило соцреализм на новый уровень, в каком-то смысле бросало ему вызов. Столь радикальные перемены в устройстве культуры не могли произойти стихийно, они требовали идеологического руководства и координации, и в этой книге мы рассмотрим, как эти перемены осуществлялись и к чему они привели.

* * *

29 декабря 1945 года Политбюро приняло решение о возвращении бывшего первого секретаря Ленинградского горкома партии Андрея Жданова в Москву — спустя сутки он уже был в Кремле. Его переезд превратил правящую «пятерку» (Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Микоян) в «шестерку», изменив расстановку сил в ближайшем окружении Сталина. 10 февраля Жданов был выбран депутатом Верховного Совета, 12 марта назначен председателем Совета Союза Верховного Совета СССР¹, 13 апреля в его ведение было передано Управление пропаганды и агитации и Отдел внешней политики ЦК, в начале мая — руководство всем аппаратом

¹ Согласно Конституции 1936 года, Верховный Совет СССР имел две равноправные палаты — Совет Союза и Совет Национальностей. Предполагалось, что в Совете Союза представлены общие интересы всех трудящихся СССР независимо от их национальности, а в Совете Национальностей — интересы народов СССР, связанные с их национальной спецификой.